

УДК 80`373.72

ББК 81.033

А-18

Авдеева Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета, e-mail.: ol_avd@rambler.ru

СЕМАТИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА ФРАЗЕМ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКУРСА

(рецензирована)

Данная статья посвящена проблемам исследования сематического аспекта синтагматики русских фразем как средства создания дискурса. Цель исследования – определить роль фразеологической семантической синтагматики в формировании дискурса. Результаты исследования вносят определенный вклад в анализ семантических основ дискурса и могут быть использованы для дальнейших разноаспектных исследований роли фразем как русского, так и других языков в формировании различных дискурсов.

Ключевые слова: фразема, фразеологическая единица, фразеологизм, русская фразеология, синтагматика, фразеологическая синтагматика, семантическая синтагматика, синтагматические отношения, сочетаемость, дискурс, когнитивно-дискурсивная лингвистика.

Avdeeva Olga Ivanovna, Candidate of Philology, associate professor of the Department of General and Applied Linguistics of Moscow state pedagogical university, e-mail.: ol_avd@rambler.ru

SEMANTIC SYNTAGMATIC OF PHRASEMS AS A TOOL OF DISCOURSE FORMATION

(reviewed)

This article is devoted to the problems of studying the sematic aspect of syntag-matics of Russian phrasems as a tool for creating a discourse. The objective of the research has been to define a role of a phraseological semantic syntagmatics in the formation of a discourse. The results of the research make a certain contribution to the analysis of semantic bases of the discourse and can be used for further various researches of the role of phrasems of Russian and other languages in the formation of various discourses.

Keywords: phrasems, phraseological unit, Russian phraseology, syntagmatics, phraseological syntagmatics, semantic syntagmatics, syntagmatic relations, compati-bility, discourse, cognitive-discourse linguistics.

Долгое время в лингвистике не было чёткого разграничения понятий *текст* и *дискурс*, что создавало немалые трудности для исследований. Анализ истории соотношения этих понятий, их этимологии в разных языках, трансформации их значений, изложенный в статье В.З. Демьянкова «Текст и дискурс как термины и как слова обывденного языка» [1], показывает всю сложность и противоречивость разграничения этих терминов в разные исторические эпохи в разных языках, а следовательно, – и

культурах. В романских языках сначала отмечено преобладание термина *дискурс* как обозначающего «живую» речь над термином *текст*, соотносимым со Священным писанием, затем в результате «деспециализации» учащается использование термина *текст*; в английском и немецком языках термин *дискурс* преобладает; в русском языке он долгое время почти не используется, используется только термин *текст*. Т.М. Николаева в восьмом выпуске книги «Новое в зарубежной лингвистике», посвященном лингвистике текста [2], при переводе английского термина *discourse* использует словосочетания *связный текст*, *речевое произведение* и т.д., а не *дискурс*. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, в 70-х годах в философских и психологических трудах активно употреблялся термин *дискурсивный*, а термин *дискурс* был редким. Во-вторых, термин *дискурс* имел два значения: «рассуждение» и «связная речь»; необходимость указывать значение резко сокращала употребительность термина. В-третьих, использование слова *дискурс* в общих лексических пластах таких языков, как английский, немецкий и французский в это время шло на убыль, поэтому стало невозможным активное внедрение этого термина в русский язык как противоречащее развитию интернациональной лексики [3, с. 49].

Однако с течением времени многое изменилось. Окончательное разделение понятий *текст* и *дискурс* в современной лингвистике произошло в 70-80-х годах XX века. Это привело к тому, что под *текстом* стала пониматься «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [4, с. 507], а под *дискурсом* как более широким понятием – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [5, с. 136]. Интересное их соотношение дает Т.А. Ван Дейк: *текстом* следует считать «преимущественно абстрактную, формальную конструкцию», а *дискурсом* – «различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами» [6, с. 137]. На основе этой точки зрения Д.Н. Хасанова определяет различие между *текстом* и *дискурсом* следующим образом: «дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как *текст* – это понятие, касающееся системы языка, или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности» [7, с. 4].

Щербина Ю.В. предлагает в качестве наглядно действующей методологической модели пространственно-полевую модель описания дискурса, понимая его как «речевое пространство» в проекции на реальную действительность – «поле речи», «локализация которого определяется конкретной сферой коммуникации, в частности культурно-профессиональной средой, внутри которой возможно выделение частных дискурсных модусов» [8, с. 105]. Область развертывания дискурса составляют такие «терминоточетания», как «коммуникативное пространство», «языковая действительность», «речевая реальность» (более узкое понятие – «речевая среда»), «пространство языка (мысли, текста)». Близки к ним, но стоят несколько особняком понятия «языковое существование» и «логосфера».

Дискурс интересен тем, что в его формировании задействованы многочисленные экстралингвистические и интралингвистические факторы, в частности, единицы различных уровней языка, языковые категории и процессы.

Цель данного исследования – определить роль семантического аспекта фразеологической синтагматики в формировании дискурса.

Понимание дискурса как речи с «целенаправленным социальным действием»

приводит к необходимости его анализа в двух направлениях: как компонента взаимодействия людей и как механизма их сознания при общении, т.е. их когнитивных процессов. Это приводит к выделению, вслед за Н.Д. Арутюновой, двух аспектов, двух основных сторон дискурса: одна из них обращена к прагматической ситуации, а другая – к ментальным процессам коммуникантов [9, с. 137].

Анализ дискурса в аспекте обращение к прагматической ситуации предопределяет исследование таких проблем, как адекватность дискурса коммуникативной ситуации, степень связности дискурса, возможные варианты его интерпретации и т.д. К этой же стороне дискурса следует отнести изучение его отношения к объективной реальности: в этом случае дискурс моделируется в виде фреймов, которые представляют собой типовые ситуации, или сценариев (в них отражается развитие ситуаций).

Вторая сторона – анализ ментальных процессов участников коммуникации – предопределяет исследование различных социокультурных, этнографических, психологических условий и правил порождения и понимания речи в различных условиях, что формирует особенности конкретного дискурса: темп самой речи, степень ее связности, соотношение в структуре дискурса общего и конкретного, общепринятого и субъективного, нового и известного, эксплицитного и имплицитного и т.д.

Именно ко второй стороне дискурса относится анализ роли синтагматических отношений фразем в его формировании, потому что благодаря исследованию фразеологической синтагматики становится возможным выявить соотношение отмеченных выше признаков в значении отдельных элементов дискурса или дискурса в целом.

В данной статье синтагматика, вслед за Е.С. Кубряковой, определяется как «анализ особых – синтагматических отношений между знаками языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте» [10, с. 447]. Наиболее распространенными, а следовательно – представляющими научный интерес, признаются следующие основные типы синтагматических отношений фраземы: «семантический, грамматический и структурный» [11, с. 46]. В данном случае анализу подвергается семантический аспект фразеологической синтагматики.

Для фраземы как сложного языкового знака характерна асимметрия формы и содержания. Фразема воспринимается как единый языковой знак благодаря своей семантической целостности и синтаксической неделимости. Однако аналитичность её формы сближает её с такой конструкцией синтаксиса, как словосочетание. Помимо этого аналитичность, находящая отражение и в семантической, и в грамматической структуре фраземы, предопределяет анализ ее парадигматики и синтагматики в двух аспектах – внутреннем и внешнем.

Внутренняя синтагматика рассматривает взаимоотношения составляющих элементов внутри фраземы: на лексическом и грамматическом уровне это различные виды взаимоотношений компонентов фраземы, на семантическом уровне – взаимоотношения сем в структуре фразеологической семемы. Внешняя синтагматика рассматривает взаимоотношения фраземы с окружающим контекстом, в частности, образованные ими конфигурации.

Под конфигурацией М.Т. Тагиев понимает конструкцию, созданную сочетанием «фразеологизма и сопутствующего элемента (ядра и окружения)» [12, с. 5]. Причем, при образовании конфигурации учитываются не все связи фраземы, а наиболее существенные для

семантической и грамматической реализации фраземы, т.е. «лишь необходимые и достаточные для выполнения конфигураций» [13, с. 4]. В качестве примеров конфигураций можно рассмотреть следующие: *дело у неё (у него, у них) в руках горит; ушел бы (убежал бы, умчался бы) без оглядки; Нина Матвеевна была белой вороной; отличались, как небо от земли; удаленной, как небо от земли* и т.д.

Необходимость взаимосвязанного рассмотрения внутреннего и внешнего аспектов строения и функционирования фразем была обоснована Ю.А. Гвоздаревым в его работе «Основы русского фразообразования», где он определил их как «два аспекта, тесно связанных между собой и в равной мере необходимых, поскольку эти стороны находятся в причинно-следственной связи, представляют собой сущность и явление» [14, с. 16].

Одну из основных ролей в образовании дискурса играет совокупность контекста и конситуации, служащая воплощением лингвистических и экстралингвистических факторов формирования дискурса. Поэтому важной частью его анализа является исследование внешних синтагматических связей фраземы, выявляющих её роль в контексте или в конситуации.

Представляется достаточно удачным определение контекста, данное Е.А. Добрыдневой, которая понимает под ним «фрагмент текста, монологического или диалогического, в котором фразеологическая единица выступает в определенной конструктивной связи с другими элементами речи (Н.Н. Амосова), с актуализаторами (А.В. Кунин) и в котором с позиции говорящего «гарантируется» понимание и интерпретация адресатом фразеологического смысла, как узуального, так и окказионального» [15, с. 96].

Безусловно поддерживая мнение Е.А. Добрыдневой о важности разграничения таких понятий, как языковой и речевой контексты фразем, всё же следует отметить невозможность согласиться с ней, что основанием для разделения контекстов на языковой и речевой служит принцип узуальности-окказиональности. Согласно её мнению, под *языковым* фразеологическим контекстом следует понимать такой фрагмент текста, «в линейном пространстве которого лексико-грамматическое окружение фразеологической единицы благодаря своим системно обусловленным свойствам «поддерживает» и одновременно ограничивает потенциальный спектр возможных реализаций фразеологического значения», а под *речевым* фразеологическим контекстом понимается «нетипичное, неординарное лексико-грамматическое окружение фразеологической единицы, которое видоизменяет системное значение данного номинативного знака, нарушая его узуальную смысловую дистрибуцию (Н.Ф. Алефиренко) и подвергая окказиональному семантико-прагматическому варьированию» [16, с. 96].

Представляется более продуктивным разграничение языкового и речевого контекстов на основе учета сильных и слабых контекстуальных позиций фразем. Под *сильной* понимается та позиция, в которой контекстом поддерживается основное значение фраземы. *Слабой* контекстуальной позицией называют ту позицию, в которой контекст поддерживает неосновное, второстепенное значение фраземы или совсем не поддерживает его.

Следовательно, *языковым* контекстом фраземы, по нашему мнению, следует считать один из совокупности наиболее типичных контекстов, поддерживающих основное (языковое) значение фразеологической единицы, не входящих в противоречие с языковой компетенцией говорящих на данном языке. Языковой контекст фраземы подразумевает её использование только в сильной позиции.

Например: «*Наши деды не были скопидомы и не **тряслись над каждой копейкой***» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Записки провинциала). Окружающий контекст поддерживает основное значение фразеологизма *трястись над каждой копейкой* – «быть очень скупым, жадным, слишком расчетливым и бережливым» [ФСРЯ: 433] благодаря значению существительного *скопидомы* – «человек, бережливый до скупости» [СРЯО]: в семантике фраземы *трястись над каждой копейкой* и всемантике лексемы *скопидомы* имеется общесемы «жадность, скупость», «высокая степень качества». Параллельные синтагмы – нефразеологическая синтагма *деды не были скопидомы* и фразеологическая синтагма, реализованная в виде конфигурации, – *деды не **тряслись над каждой копейкой*** имеют близкие значения, благодаря чему они и поддерживают значения друг друга.

Под *речевым* контекстом фраземы, по нашему мнению, понимается «любой конкретный контекст, окружающий фразеологизм при его использовании в речи» [17, с. 30]. Данное понимание речевого контекста подразумевает большое разнообразие речевых контекстов, участвующих в формировании конкретных речевых смыслов фразем. Можно выделить такие виды речевых контекстов, как узуальные и окказиональные, поддерживающие и не поддерживающие основное значение фраземы, материально выраженные и нулевые.

Следовательно, речевой контекст фраземы подразумевает её использование и в сильной, и в слабых позициях. Контекст поддерживает основное значение фраземы только в сильной контекстуальной позиции (данный случай был рассмотрен выше), а не поддерживает – в слабых контекстуальных позициях, среди которых можно выделить два вида: 1) контексты, поддерживающие неосновное значение фраземы, 2) контексты, не поддерживающие ни одного из значений фраземы. Рассмотрим пример контекста, поддерживающего неосновное значение фраземы: «[Борис:] *Я с ума сойду от радости.* [Кудряш:] *Волга! Есть от чего с ума **сходить!***» (А.Н. Островский. Гроза). Во Фразеологическом словаре под редакцией А.И. Молоткова у фраземы *сходить с ума* выделено три значения: «1. Становиться сумасшедшим; 2. Прост. Не давать отчета в своих поступках, действиях, совершая безрассудные поступки, говоря глупости, нелепости и т.п.; 3. *от кого, от чего.* Проявлять чрезмерное восхищение, восторг, неистовствовать, увлекаясь кем-либо или чем-либо» [ФСРЯ, с. 445]. В рассмотренном выше примере контекст поддерживает третье, неосновное, значение фраземы, что свидетельствует о её слабой контекстуальной позиции. Это неосновное значение фраземы поддерживается благодаря значениям слов *радости* и *Волга*, в каждом из которых содержится сема «восторг, восхищение». Следует отметить, что в формировании дискурса в данном случае важную роль играет не только контекст, но и конситуация, в создании которой активно участвует интонация: например, лексема *Волга*, употребленная с восклицательным знаком, особенно ярко передает значение восторга, восхищения. Под конситуацией, вслед за Е.А. Добрыдневой, нами понимается «гипотетический, материально не выраженный контекст», приводящий к «ситуативным условиям актуализации и соответственно интерпретации семантики ФЕ» [18, с. 97].

Примером контекста, не поддерживающего ни одного из значений фраземы, является следующий: «*Когда-то я работала под Москвой – учила детей рисованию – и столкнулась с самыми мерзкими проявлениями в жизни, люди на пощадили моего незнания и моей веры в них. Но **бог с ними***» (В.Б. Смехов. В один прекрасный день...). Фразема *бог с ними* имеет значение «пусть будет так, ну да ладно. Выражение согласия, примирения, прощения, уступки и т.п.» [ФСРЯ, с. 38], которое реализуется в данном

контексте, хотя контекстом и не поддерживается. Данный контекст допускает свободную замену фраземы антонимичным выражением, например, фразой типа: «*Я им этого никогда не прощу*», что свидетельствует о слабой контекстуальной позиции фраземы.

Яркой образной нагрузкой отличаются речевые контексты, совмещающие реализацию основного и прототипического значений фраземы, иначе говоря, контексты с двойной актуализацией значения фраземы. Прототипическим следует считать прямое значение свободного словосочетания – прототипа фраземы. Примерами данных контекстов являются следующие: «*Елена: Извините, Олег Никитич, что примазываюсь, но все мы – и вы, и я... и не сосчитаешь... все научились брать подарки в разных одеждах, в разных упаковках, под разными соусами... Все одного поля ягоды. Певцов: Выходит с ягодами у нас хорошо*» (Э.В. Брагинский. Авантюристка). «*Сходи возьми бутылку. – Пошел к черту! Он теперь дружок тебе*» (В.М. Шукшин. Крепкий мужик).

При материально выраженном контексте в формировании дискурса участвуют и контекст (в любой его разновидности), и конситуация. При нулевом контексте дискурс формируется только с помощью конситуации. Например: «- **Вот так так!** Ромашов вытаращил глаза и слегка присел. – *Надо бы ему на чай, а у меня ничего нет*» (А.И. Куприн). Фразема **вот так так!**, имеющая значение «выражение удивления, изумления по поводу чего-либо неожиданного» [РФ, с. 126], имеет нулевой контекст, вследствие чего у неё отсутствует контекстуальная поддержка, поэтому в формировании дискурса участвует исключительно конситуация. Именно она помогает выявить значение фраземы.

Опора на конситуацию для выявления значения фраземы часто встречается в диалогической речи, потому что отдельная реплика, совпадающая по своим границам с фраземой, достаточно часто не имеет семантической или грамматической связи с ближайшим окружением. Поэтому при ее анализе исследуется конситуация.

Таким образом, семантический анализ синтагматики фразем, являясь частью анализа дискурса, преимущественно направлен на исследование ментальных процессов участников коммуникации. Однако исследование конситуаций в рамках семантической фразеологической синтагматики затрагивает и другой аспект дискурса – направленный на анализ прагматической ситуации.

Это значительно расширяет сферу исследования дискурса посредством анализа семантической фразеологической синтагматики и позволяет использовать её в качестве одного из наиболее продуктивных направлений исследования дискурса.

Литература:

1. Авдеева О.И. Роль семантической синтагматики фразеологизмов в формировании дискурса // Классическое лингвистическое образование – в современном мультикультурном пространстве: материалы Междунар. науч. конф. Пятигорск: Изд-во Пятигорск. гос. лингвист. ун-та, 2004. С. 26-31.

2. Авдеева О.И. Специфика синтагматики русских фразем оксиморонного характера // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. Вып. 2. С. 46-51.

3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136-137.

4. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеобразования. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Логос, 2010. 246 с.

5. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка //

Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Языки славян. культур, 2005. С. 34-55.

6. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. Волгоград: Перемена, 2000. 224 с.

7. Кубрякова Е.С. Синтагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 447.

8. Николаева Т.М. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. 479 с.

9. Николаева Т.М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 507.

10. Тагиев М.Т. Глагольная фразеология современного русского языка (проблемы окружения и распространения фразеологических единиц): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1967. 53 с.

11. Хасанова Д.М. Дискурс и текст в современной лингвистике [Электронный ресурс]. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/II/uch_2008_II_00059.pdf

12. Хатунцева Е.Б. Фразеологические единицы типа «прилагательное – существительное» в современном русском языке (проблемы окружения и значения): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1969. 16 с.

13. Щербинина Ю.В. Дискурс как речевое пространство // Знание. Понимание. Умение. 2009. Вып. 4. С. 104-111.

Словари:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987. 797 с.

2. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова [и др.]; под ред. А.И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1986. 543 с.

3. Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2001. 845 с.

References:

1. Avdeeva O. I. *The role of semantic syntagmatics of phraseological units in the formation of a discourse//Classical linguistic education in modern multicultural space: materials of the International scientific conference. Pyatigorsk: Publishing house of Pyatigorsk linguist. un., 2004. P. 26-31.*

2. Avdeeva O. I. *Specificity of syntagmatics of Russian phrasemes of oximoron character // Bulletin of Maikop State Technological University. 2012. P. 46-51.*

3. Arutyunova N. D. *Discourse // Linguistic encyclopedic dictionary/ Ed. by V. N. Yartsev. M.: Sov.Encyclopedia, 1990. P. 136-137.*

4. Gvozdarev Y.A. *Bases of the Russian phraseology. 2 ed., rev. and add. Rostov on /D.:Logos, 2010. 246 p.*

5. Demyankov V. Z. *Text and discourse as terms and as words of ordinary language//Language. Personality. Text: coll. of art. to the 70 anniversary of T. M. Nikolaeva / Ed. by V. N. Toporov. M.: Languages of Slavic cultures, 2005. P. 34-55.*

6. Dobryднева Е.А. *Communicative and pragmatical paradigm of the Russian phraseology. Volgograd: Change, 2000. 224 p.*

7. Kubryakova E.S. *Syntagmatics //Linguistic encyclopedic dictionary. M., 1990. P. 447.*

8. Nikolaeva T.M. *New in foreign linguistics. Iss. 8. Linguistics of the text. M.: Progress, 1978. 479 p.*

9. Nikolaeva T.M. *Text // Linguistic encyclopedic dictionary / Ed. by V. N. Yartsev. M.: Sov.Encyclopedia, 1990. P. 507.*

10. Tagiyev M. T. *Verbal phraseology of modern Russian language (problem of an environment and distribution of phraseological units): abstr. of diss. Dr. of Philology. Baku, 1967. 53 p.*

11. Khasanova D. M. *Discourse and text in modern linguistics [An electronic resource]. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/II/uch_2008_II_00059.pdf*

12. Khatuntseva E.B. *Phraseological units of "adjective – noun" type in modern Russian language (problems of an environment and value): abstr. diss. ...Cand. of Philology. Baku, 1969. 16 p.*

13. Shcherbinina Yu.V. *Discourse as a speech space / /Knowledge. Understanding. Ability. 2009. Iss. No. 4. P. 104-111.*

Dictionaries:

1. *Dictionary of Russian language / Ed. by N. Yu. Shvedov. 18 ed. M.: Russian language, 1987. 797 p.*

2. *Phraseological dictionary of Russian / Comp. by L.A. Voynova; ed. by A. I. Molotkov. M.: Russian language, 1986. 543 p.*

3. *Yarantsev R. I. Russian phraseology. reference- dictionary. 2nd ed., stereotyped. M.: Russian language, 2001. 845 p.*